130 ЯНВ 1977 Приложение к газете «...»
г. МОСКВА

КАК НАЗЫВАЕТСЯ ВРЕМЯ

Татьяна ТЭСС

Легко подсчитать количество репетиций, прошедших до появления на свет талантливого спектакля, но нет такого устройства, с помощью которого можно было бы высчитать часы поисков, размышлений, волнения, бессонниц, сомнений, надежды, счастливого узнавания — всего того, что предшествует рождению сценического образа. Сколько времени отдал Аркадий Райкин созданию своей новой программы, сколько времени готовился его новый спектакль «...Зависит от нас» в Ленинградском театре миниатюр?

Существуют различные измерения времени и даже различные наименования его: из книг по астрономии мы знаем, что есть время солнечное, а есть время звездное, и можем сказать, чем отличается одно от другого. Но как измерить время творческое, то состояние человека, когда все его существо напрягается для работы ума и души?

Когда хорошо знаешь художника, замечаешь все изменения в нем, которые принесло время, все проступившие в его таланте новые черты. Но творческое время обладает еще одним удивительным свойством: оно ничего не зачеркивает и не смывает в таланте художника, а лишь накапливает, обогащая его.

...Вот он выходит на сцену — нет, не выходит, а словно влетает, и изящная стремительность его появления всегда, непонятным образом, застает нас врасплох: как бы ни были вы готовы его увидеть, он появляется неожиданно. Освещенный огнями рампы, он стоит перед занавесом, знакомый тысячам зрителей Аркадий Райкин; зал встречает его взрывом аплодисментов, а он в ответ улыбается по-детски застенчиво и изумленно. Встреча Аркадия Райкина со зрителями, в особенности первые ее минуты, всегда носит какой-то до удивительности личный характер: его встречают не только как любимого актера, но как друга, с которым сейчас начнется разговор. И когда аплодисменты утихнут, Аркадий Райкин этот разговор начнет.

Зал готов смеяться — он просто-таки дышит этой счастливой готовностью к смеху, к мгновенному отклику на шутку, остроту, смешную маску, веселое, хлесткое словцо. Но разговор неожиданно складывается по-другому: Райкин говорит негромко, доверительно, вглядываясь в зал. И зрители, вначале отвечающие этому взгляду улыбкой, начинают вслушиваться тоже по-другому, в зале как бы меняется самый «состав» тишины, она делается напряженной, прозрачной. А рассказ становится все важнее, все интереснее, потому что речь идет о многом, что действительно зависит от нас в окружающей жизни.

Но не думайте, пожалуйста, что спектакль не заставит вас смеяться,—он искрится юмором, и вы будете смеяться не раз, от всей души. Но он заставит и призадуматься. Заставит поразмышлять, что же именно зависит от нас, когда мы сталкиваемся в нашем быту с недостатками, не бываем ли мы порой сами в них виновны и все ли делаем, чтобы их устранить, чтобы они больше не цеплялись за нас, как репейники на дороге.

С этого, собственно, и начинает Аркадий Райкин свой разговор. В программе он называется вступительным монологом, но за теоретической точностью такого обозначения вдруг открывается и нечто другое: доверительность личной беседы. Райкин обладает необъяснимой способностью обращаться ко всему зрительному залу так, что любому сидящему там человеку кажется, что артист обращается именно к нему и его одного в переполненном зале видит. Непосредственность этого общения настолько увлекательна, что мы, пожалуй, не сразу замечаем особенность опущенного занавеса, на фоне которого артист стоит.

А в занавес стоит вглядеться: на нем изображено огромное дерево. Изображено, что называется, во весь рост, с могучим стволом, с крепкими корнями, с пышной, зеленой, широко развернутой кроной. Дерево жизни. Вот о нем-то и идет речь.

Много разных плодов на этом дереве, ох, как много. Плоды нашего труда и нашей лени, плоды добра и плоды равнодушия, плоды душевной грубости, плоды чуткости, плоды беспечности. Дерево, которое мы сами же растим, хранит плоды наших рук, крепко их держит, и от нас самих зависит, чтобы не было среди них ни одного горького, чтобы не было на этом дорогом нам дереве ни одной засохшей или сломавшейся ветки.

Как известно, Аркадий Райкин всегда считался непревзойденным мастером трансформации. Сколько раз мы с восхищенным изумлением наблюдали, как за долю секунды он успевал появиться перед нами на сцене в ином обличье, в новой маске. Собственно, он как бы и не уходил со сцены, мы и глазом не успевали моргнуть, а перед нами уже стоял совсем другой человек, с другим носом и усами, в другом костюме, и выглядел еще характернее и смешнее, чем был секундой раньше. И как бы ни старались мы представить себе ту бешено напряженную работу, которая происходила в это время за кулисами, представить опытных помощников, держащих наготове перед актером костюм и маску, которые он даже не надевал, а с ходу в них влетал, — все равно это всегда казалось волшебством.

В новом спектакле у Аркадия Райкина нет ни одной маски, но все же он и здесь остается непревзойденным мастером трансформации. Его искусство перешло в новую, более тонкую и высокую категорию, когда для трансформации, для перевоплощения ему уже не нужны ни маска, ни перемена одежды. Он может достичь полного «изменения личности» и без дополнительных средств.

Вглядимся внимательней — вот он перед нами на сцене, как всегда, элегантный, в своем обычном костюме, без грима, с серебряно-седыми волосами, которые, странным образом, его не старят, а молодят. Вглядимся внимательнее: на наших глазах происходит превращение, словно он нажал кнопку и из волшебной шкатулки выскочил совершенно другой человек. Стала иной интонация, изменилась лексика, по-иному смотрят глаза, иначе движутся руки, что-то сместилось в осанке, новое выражение появилось в лице, словно прошел по нему резцом невидимый скульптор. Но только успели мы все это разглядеть, как на смену появился другой человек, возникнув с такой же магической точностью, а за ним целая галерея новых лиц, и мы только диву даемся, как же может одна душа — даже если это душа художника— вместить столько несхожих повадок, характеров, столько различных человеческих натур.

Ко всем созданным им же самим персонажам Райкин относится по-разному: одних он жалеет, над другими смеется, третьих терпеть не может. Но о каждом знает все; во всяком случае, столько, сколько может знать один человек о другом.

Для такого владения материалом бывает порою недостаточно одного авторского текста. У Райкина блестящие, зоркие глаза, он умеет вглядываться, он собирает необходимый для его работы материал с хваткой и умением журналиста, бывает на заводах, в министерствах, беседует с экономистами, с работниками торговли, с уборщицами, с врачами. Я не случайно упомянула о его неожиданной близости журналистской профессии: в новом спектакле немало подлинной публицистики, и это его особенность.

Не будем подсчитывать, сколько времени понадобилось для создания спектакля. Дело в другом: в том, что для самого Райкина и многих актеров этого театра время было истинно творческим и обогатило их. Острой, веселой наблюдательностью и сочностью рисунка блеснули в новой программе В. Ляховицкий и Т. Кушелевская, нашли свежие и тонкие краски для своих персонажей В. Горшенина и М. Максимов. Для молодых актеров, влившихся в давно сдружившуюся труппу театра, это время тоже явно прошло не зря: спектакль идет легко, увлеченно, что называется, на одном дыхании.

...А может быть, время творческое и есть время звездное? Не по учебнику астрономии, конечно. А просто потому, что очень уж хорошо и счастливо это слово звучит.

Сцена из спектакля.

Выступает Аркадий Райкин.